

Тбилисские сновидения

Общая раб. - 1996. - 14 марта. - с. 5.

18 марта выдающемуся грузинскому художнику Лад

Гудиашвили исполнилось бы сто лет

ЗЛЮБИЛ бывать в его тбилисском доме на улице Кецохели. Комнаты сплошь завешаны картинами, рисунками — яркий, многокрасочный мир. Десятки лиц смотрят с полотен. Древние златочеканшики, легендарная царица Тамара, великий романтик Николоз Бараташвили, гениальный самоучка Пиромани, крестьянские девушки, знаменитые актрисы, Маяковский, Пастернак. Легенды сплетались с былью...

Последний раз я встретился с художником и его женой в конце мая 1978 года. Они отдыхали в Кобулет, в почти пустом санатории «Сакартвело». Мы провели вместе три дня.

— Лад, посмотри, кто к нам приехал! — воскликнула экспансивная Нина Иосифовна, открыв на мой стук дверь. Недавно ей удалили катаракту. Один глаз завязан.

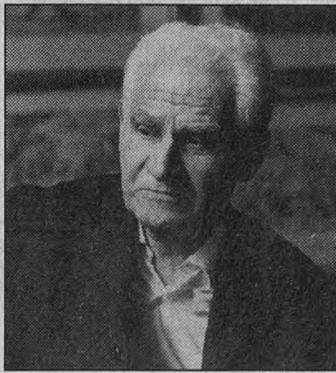
Из спальни выходит художник. Черные брови, белый снег волос. Кольнуло: постарел мастер Лад. Да ведь и не шутка — восемьдесят два года.

В свое время он был душой компании, несравненным исполнителем кинтоури — танца кинто, тбилисских мелких торговцев, разносчиков, импровизаторов-стихотворцев. Побывав на Кавказе, известный английский прозаик и драматург Джон Пристли писал об античной щедрости грузин. Он разом лишился знаменитой британской чопорности, когда художник Гудиашвили снял со стены свое, особенно понравившееся писателю, полотно: «Это вам».

А теперь Лад почти не выходит из дома. Лишь по вечерам выбираемся мы на пустынный морской берег. Смотрим на заходящее солнце, жемчужное свечение моря. Затем сидим у телевизора. Идет программа «Время». Казенный сюжет о посевной на севере России. На поле — комбайны. Лад: «Вай-вай, какие большие машины! Они все могут». После «Времени» — концерт. Елена Образцова поет «На холмах Грузии...». Нина Иосифовна вскакивает: «Богиня, царица!» И посылает экрану воздушные поцелуи.

Художник рассказывал о юности. Дружбе с поэтами Паоло Яшвили и Тицианом Табидзе — оба сгинули в кровавом месиве тридцать седьмого года. О том, как расписывал артистический кабачок «Химериони» и как потом эту роспись замазали серой краской. Вспоминал учебу во Франции в двадцатые годы: «Мы приехали с Давидом Какабадзе в Париж пасмурным утром. Когда поезд остановился, Давид вдруг спросил: «А в Париже ли мы?» На перроне подошел полицейский, угостил сигаретами — парижские, значит, попали по назначению. Сейчас уж не помню, как мы объяснились. Мой и Давид французский состоял из нескольких фраз. Тем не менее каким-то образом полицейский посоветовал нам пойти в недорогую студенческую гостиницу. А уж он-то грузинского точно не знал...»

Лад общался в Париже с Матиссом, Мазерелем, Марке, Фужитой, Модильяни. В каком-то кафе Модильяни набросал портреты двух молодых полячек. Хотел подарить им, но те не взяли.

Тогда художник отдал рисунки Лад. Я их видел в доме грузинского мастера.

— Честно признаться, — вспоминал Гудиашвили, — в Париже я не ждал успеха. Отдал для «Осеннего салона» четыре полотна из жизни кинто. Даже друзья боялись, что не будут приняты. И вот пришел письменный ответ, а так как я во французском разбирался слабо, то решил, что это — отказ. Пошел в «Ротонду», вот, говорю, отказали. А мне: «Ты с ума сошел, все взяли!»

Лад вспоминал о парижских встречах с Маяковским, как тот обрадовался возможности поговорить по-грузински, о шумных ссорах Есенина с Айседорой Дункан, когда из гостиничных окон, к удивлению и восторгу парижан, летели какие-то вещи.

Долго глядел на заходящее солнце, на море: «Вчера сидел тут, смотрю — плывут аргонавты...» И после паузы: «Старость стал чувствовать, ноги болят, перестал ходить. Как говорят,

развала причудливую вязь из фигур-символов: поэтов-пастухов, воинов, плодов, пейзажных набросков, видов Тбилиси.

С той поры возникла их дружба. В конце 45-го года Пастернак, работая над переводами поэзии Николоза Бараташвили, бывал в доме художника часто. Здесь был встречен и первый мирный год. Лад рассказывал мне, что в гостях у него тогда был и Николай Тихонов. Вдруг Пастернак предложил гост: «Давайте выпьем за Колю Тихонова, который когда-то был поэтом...»

В доме художника я видел «уголок», посвященный Пастернаку. На стенках два графических портрета работы Лад, один — по мотивам стихотворения «Свеча горела на столе...». В горке красного дерева — перевод «Фауста», машинопись стихотворения с надписью: «Артистической чете Лад и Нино Осиповне Гудиашвили, таинственным и гордым от стареющегося подражать им Б. Пастернака с любовью. 7 марта 1948 года». Здесь же изданные во Франции и Италии пастернаковские «Письма грузинским друзьям», в маленьком графине — недопитый поэтом коньяк. Последний дар, сделанный в марте 1959 года, — машинопись стихотворений «Тетрадь Юрия Живаго».

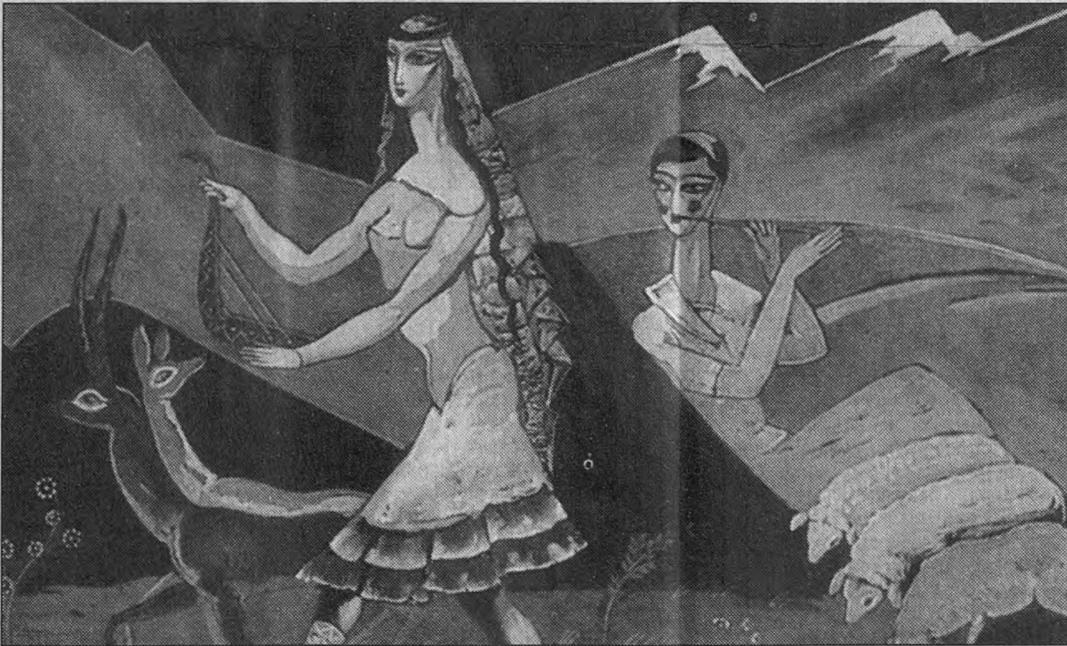
Пастернак буквально бежал в Грузию: от травы, клеветы, обид, от семичастных, заславских, от единомышленных писательских собраний, на которых его клеймили как отщепенца. Он — в Тбилиси, а вслед ему тайная депеша: надо

ды. Заявились к нему два молодых, мордатых. Дескать, багоно Галактион, приехал в Тбилиси нехороший человек, отступник и враг. И надо ему дать отпор, написать письмо. Большого оскорбления тому, кого в Грузии считали поэтом равным Руставели, нанести было нельзя! Табидзе, однако, вида не показал. Стал отнекиваться: дескать, руки дрожат, перо не держат. «Да зачем же вам писать, багоно, письмо с нами. Только подпись надо поставить». Стал читать: вот тут нехорошо, здесь надо исправить, нет, уж лучше перепечатайте. Несколько раз прогонял визитеров. А потом — они в дверь, а он — в окно...

В эту весну, отмеченную трагической гибелью великого поэта Галактиона Табидзе, Пастернак пропадал в доме Лад. Вновь восторгался живописью, беседами с художником, его женой, влюбленно смотрел на их дочь Чукуртму, выпускницу Вагановского училища. Читал стихи из романа. Чукуртма поцеловала ему руку. Он упал на колени и стал целовать руки девушке. Нина Иосифовна, почуввав неладное, сказала: «Борис, тебе мало «Доктора Живаго?»

На подаренном переводе «Фауста» поэт обращался к Чукуртме. Я хотел переписать посвящение, но побоялся бестактности. Смысл же помню. Словно полемицируя с Достоевским, Пастернак утверждал: раз Бог есть в душе, то все позволено.

...Вот что происходило в Тбилиси в марте 1959 года. Все смешалось — смерть, жизнь, искусст-

Пастораль. 1963 год

жизнь прожить — не поле перейти».

Сначала я подумал, что он вспомнил русскую пословицу, потом понял, что для него это — последняя строка из стихотворения Пастернака «Гамлет»: «Я один, все тонет в фарисействе. Жизнь прожить — не поле перейти».

О встречах с поэтом художник рассказывал с особой нежностью. Еще в 1935 году в Москве вышла книга переводов Бориса Пастернака «Грузинские лирики», по случаю чего Александр Фадеев воскликнул: «С нами воссоединилась великая грузинская поэзия!» Оформил сборник Гудиашвили. Изысканная графика об-

осудить продавшегося сочинителя «Доктора Живаго», и чтобы прокурорами были известные деятели культуры.

Местные функционеры вспомнили, что в больнице лежит Галактион Табидзе, великий поэт Грузии. В конце тридцатых у него убили жену Ольгу Окуджаву, двоюродного брата Тициана, самого же наградили орденом Ленина. По городскому преданию, Галактион часто появлялся на улицах Тбилиси в рубище, но с привинченным к тряпью орденом.

Кому надо, знали, что в свое время у Табидзе не сложились отношения с Пастернаком. Вот и решили, что старик не забыл об-

во, обрушившаяся влюбленность, восторг.

В эти же дни Пастернак написал в книге посетителя мастерской художника: «Будни, в которые Вас посещаешь, становятся праздником, часы, проведенные у Вас, кажутся часами иного времени и другого века. На другой день после посещения Вас просыпаясь с ощущением, будто все виденное и сказанное у Вас произошло. Сновидением и должно стоять и оставаться в стороне, на одинокой высоте, единственное, ни с кем несравнимое богатство сердца — искусство».

Владимир ЛАВРОВ
Санкт-Петербург